

СИМВОЛИКА ТРЕХ «К»
(КАРТЕЗИЙ, КАНТ, КАФКА)
В ФИЛОСОФИИ МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ

Мотрошилова Н.В. (Москва)

Размышления о трех «К», красной нитью проходящие через философствование Мераба Мамардашвили, — это достаточно сложные, многомерные абстрактные конструкции, которые в то же время своими корнями и ответвлениями уходят не только в историю философии и культуры, но и в реальное пространство жизни людей, независимо от того, в какую эпоху они существуют, каковы их занятия, устремления, личные судьбы. Будучи первоначально порождениями истинно великих теоретических умов, обрастая затем различными толкованиями и идейными противовесами, эти конструктивные сплетения всякий раз требуют расшифровок или, как выражался М. Мамардашвили, «распутываний».

Декарт (Картезий) или Кант, согласно толкованию Мамардашвили, осуществляли свои основополагающие размышления, выражаемые их фундаментальными идеями и формулами, столь напряженно, с такой самоотдачей, как если бы на «кон была поставлена» их собственная жизнь. Это не выдумка, не метафора, не выпендривание патетика, а точное обозначение судьбинного характера жизнедеятельности той личности, которой удастся стать философом в подлинно высоком значении этого понятия и следовать своему всегда нелегкому предназначению. Что емко выражено афористичной формулой Мамардашвили: «Быть философом — это судьба». Она относится и к великим классическим мыслителям, и к нему самому. В знаменитых формулировках философов спресовано многоаспектное содержание, дальнейшей (по необходимости краткой) расшифровкой которого применительно к трем главным героям, избранным Мамардашвили, мы и займемся.

ПЕРВОЕ «К» — КАРТЕЗИЙ

Считаю в высшей степени ценным, что в толкованиях Мамардашвили — и это сделано им обдуманно, методично, последовательно — сложнейшее внутрифилософское смыслодержание оригинально, нетрадиционно объединено: 1) с личност-

ными акцентами, отнесенными и к авторам-философам, и к людям с другими, какими угодно занятиями — притом независимо от исторически-конкретного пространства их бытования; 2) с масштабно схваченными социально-историческими условиями, предпосылками и следствиями жизнедеятельности и отдельных людей, и их разнообразных общностей; 3) с возможностями развития человеческой, прежде всего цивилизационной, истории; 4) с пониманием-переживанием, касающимся самой сути «человеческого эксперимента»; с проникновением в специфику мира, созданного человеком и беспрецедентного для природы, а также с «природой», сущностью человека.

Это единство может быть без непосильного труда, даже с ясностью усмотрено во многих результирующих формулах Мамардашвили, отнесенных к трем его философским героям. Приведу цитату из Мамардашвили, как раз и объединяющую ранее помеченные акценты в органическую целостность: «Первое “К” (Декарт): в мире имеет место и случается некоторое простейшее и непосредственно очевидное бытие “я есть”. Оно, подвергая все сомнению, не только обнаруживает определенную зависимость всего происходящего в мире (в том числе в знании) от собственных действий человека, но и является исходным пунктом абсолютной достоверности и очевидности для любого мыслимого знания. В этом смысле человек — существо, *способное* сказать “я мыслю, я существую, я могу”; и есть возможность и условие мира, который он может понимать, в котором может по-человечески действовать, за что-то отвечать, что-то знать. И мир, следовательно, *создан* (в смысле своего закона становления), и дело теперь за тобой. Ибо создается *такой* мир, что ты *можешь* мочь, каковы бы ни были видимые противо-необходимости природы, стихийно-естественные понуждения и обстоятельства. В этих формулировках, — продолжает М. Мамардашвили, — легко узнается принцип “*cogito ergo sum*”, которому я придал несколько иную форму, более отвечающую его действительному содержанию. Если принцип первого “К” не реализуется и каждый раз не устанавливается заново, то все неизбежно заполняется нигилизмом... А принцип *cogito* утверждает, что возможность способна реализоваться *только мной* при условии моего собственного труда и духовного усилия к своему освобождению и развитию (это, конечно, труднее всего на свете)»¹.

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 109–110.

Совсем не случайно прорывается признание Мамардашвили в том, что он придает Картезиевому *cogito* «несколько иную форму»: ведь он в самом деле снабжает *cogito* — наряду с более традиционными (в духе и сегодня сохраняющих важность учений о сознании, знании, познании) также менее традиционными — здесь: герменевтическими личностными, социальными, цивилизационными — акцентами. Надо ли говорить, сколь все акцентированные у Мамардашвили моменты актуальны (болезненно-актуальны, добавила бы я) сегодня, в частности, в нашей стране, когда и где принцип «я могу» (в превращенной форме «я могу делать все, что захочу») взяли на вооружение, скорее, силы нигилизма и зла, а люди, в принципе могущие им противостоять, напротив, весьма часто пребывают в ходячем убеждении «только не я могу»?

Мамардашвили, расширявая картезианское *cogito*, не просто утверждает — он настаивает, что эта почти предельная, в высочайшем смысле чистая, философско-метафизическая, почти «невероятная», как он говорит, абстракция *реализуется*. Она, согласно Мерабу, даже «скрыто уходит в основание нашего физического знания и формулирования физических законов» (хотя «мы», люди разных эпох, далеко не всегда отдаем себе отчет в «совершении», в реализации нами и другими индивидами этой абстракции). Но правильна ли такая расшифровка — в общем философском смысле, а тем более в применении к деятельности любого обычного человека в окружающем его мире?

Полагаю, Мамардашвили прав прежде всего в том, что *cogito* «реализуют» мыслители, так или иначе поддерживающие и раскрывающие фундаментальный теоретический смысл этой формулы для философии вообще, для различных её разделов (теории познания и сознания, для философской и социальной антропологии, для учения о личности). Среди этих мыслителей — и сам Мамардашвили. Ему принадлежит обобщающая метаформула картезианского пути к *cogito*, а потом и вместе с *cogito*: *cogito ergo sum* он называет «феноменом всех феноменов», что подразумевает скрупулезную, вдумчивую работу над его истолкованием. Осуществляя её, Мераб Константинович следует не только за Картезием, Кантом и другими классическими философскими гигантами, но и, скажем, за неклассическим Гуссерлем¹ и другими феноменологами XX века.

¹ Подробнее см.: Мотрошилова Н.В. «Картезианские медитации» Гуссерля и «Картезианские размышления» Мамардашвили (двуетный путь к трансцендентальному Ego) // Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт. М.: Канон+, 2007. С. 22–45.

С самого начала должна быть осмыслена, больше того, впитана сознанием личности вся неслучайность обращения к *Я* или к акценту — это *Я* мыслю. Тут перед нами снова же усилия не одного лишь Декарта, но также и последующий шлейф философских исследований и выкладок, захватывающий великие имена и произведения. Имеются в виду как элементарные исходные констатации, которые при некоторых усилиях способны постичь обычный человек, наделенный здравым смыслом, так и многие специальные расследования науки, философии, искусства, всей культуры.

«*Я* мыслю» значит: мир всегда реально, конкретно осваивается, познается не кем иным, как живыми, смертными, т. е. конечными индивидами. Ergo, следовательно, говорят и доказывают философы, этот мир неизбежно, неотменимо преломляется, преобразуется конечным сознанием, действием и через них. При этом свершение предыдущих актов мысле-действия не отменяет необходимость всякий раз осуществлять их даже в случае «тех же» задач. Все так называемое «объективное», «интерсубъективное» без всяких исключений надстраивается уже над этой фактической предпосылкой неотменимости субъективного, идущего от *Я*, которую В. Соловьев называет «трансцендентальным фактом» и которую целый ряд мыслителей (к ним и примыкает Мамардашвили) осмысливают в особом поле, на своем языке именуя такие концепции «трансцендентализмом».

Ну хорошо, *cogito* «реализуют» философы. Но почему мы, вслед за Мамардашвили, соотнесли кружевную вязь их изощренных рассуждений и с жизнью, сознанием обычного человека? А дело в том, что (согласно Мамардашвили, в чем и я с ним полностью согласна) абстракцию «*cogito ergo sum*» фактически «реализуют», пусть не осознавая этого, все те теперь уже неисчислимы в масштабах истории индивиды, которых сама жизнь, сколь угодно противоречивая и трудная, заставляет *самостоятельно*, не иначе чем через посредство их «я» и их сознания, решать как те или иные мелкие, повседневные, так и крупные, судьбинные задачи, прилагая не только физический труд, но и (хотя бы минимальный, а нередко и немалый) *труд мысли*, реально, подчас и сознательно *принимая на себя ответственность* за самого себя, свою семью, близких, за других людей.

Истинно демократически по устремлениям и, по моему мнению, вполне реалистично, близко к «тексту» самой жизни Мамардашвили никак не отказывает самому простому человеку в праве быть субъектом — представителем, реализатором — кар-

тезианского *cogito*¹. Но к этому добавляется — в мамардашвилиевской (как раньше и в картезианской) интерпретации — нечто весьма существенное: есть неотменимые требования и условия, лишь при соблюдении которых сказанное верно. Прежде всего это относящиеся к индивиду условия, самой жизнью, задачами самосохранения и тем более превращения в яркую, самобытную личность продиктованные каждому человеку. Эти условия: человек должен честно, ответственно, согласно рациональным правилам выполнять выпавший на его долю *труд*. Для чего ему всенепрерывно приходится брать на себя и *труд мысли*, соответствующий этому жизненному труду и другим важным повседневным функциям. (В противном случае невозможна результативность самых простых, но и предельно необходимых действий, часть которых по их повторении переводится в автоматический режим.) В соответствии с этим каждому, в сущности, человеку (в разных смыслах вменяемому) и на любом этапе истории так или иначе приходится брать на себя всегда нелегкое бремя хотя бы относительных, ограниченных свободы и ответственности (Ж.-П.Сартр: «человек приговорен к свободе»). Что относится и к жизни в условиях несвободных, как говорят сейчас, «тоталитарных» эпох и режимов.

Принципиальное значение в расшифровке первого «К» имеет для Мамардашвили интерпретация не только аспекта «*cogito*», но и «*sum*». Это слово вернее перевести по-старомодному: «я есмь», что значит — я бытийствую, а не «я существую». Ибо забота Мамардашвили о самом *бытии*, подкрепляемая у него формулой «если осмелиться быть...» — что образует важнейший пункт его миро- и человекопонимания.

В социальном же мире, пишет Мамардашвили, принцип *cogito*, первый К-принцип, предполагает: «Должны быть проложены тропы *связного* пространства для мышления, которые есть тропы гласности, обсуждения, взаимотерпимости, формального взаимопорядка...»²

Самое интересное в том, что в совершенно разных формах эти условия, казалось бы идеальные и чисто нормативные, всё-таки и хотя бы в некоторой мере реализуются (несмотря на все социальные и индивидуальные катастрофы, противоречия). Они имеют

¹ Это четкое продолжение важной линии философии самого Декарта, проявлявшего особое доверие к возможностям обычных людей — и прежде всего сознательно выполняющих содержательный труд, — к их здравому смыслу, которым, как говорил Картезий, все люди наделены одинаково.

² Мотрошилова Н.В. Указ. соч. С. 115.

прямое отношение к устоям человеческой цивилизации, к её самосохранению (и здесь ещё одна профилирующая тема философов Мамардашвили — особенно в более поздний период, говорить подробнее о которой здесь нет возможности).

Мамардашвили присоединяет к своему пониманию конструкции *cogito ergo sum* и некоторые более конкретные, но весьма важные моменты. Они тоже выражаются в известных мамардашвилиевских формулах, ставших афоризмами: дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно; надо учиться «держаться мысль», заботиться о «мускулах мысли» и т. д.

ВТОРОЕ «К» — КАНТ

Как и в случае Картезия, Мамардашвили, говоря о Канте, не только не забывает, но и подробно использует, толкует и перетолковывает — на новом уровне теории — кантианскую концепцию сознания, познания, знания. Что, кстати, вполне традиционно и имеет мощный след как в виде прокантовских, так и антикантовских вариаций. Вместе с тем, предлагая свои «кантианские вариации», Мамардашвили тоже наиболее оригинален в расшифровке, а ещё более в дальнейшем самостоятельном акцентировании, продумывании личностных, социально-философских, социально-исторических, цивилизационных аспектов. Ведь «второе “К”», или «принцип Канта» — конечно инициированная Кантом, его текстами и понятиями, однако намеренно преобразуемая у Мамардашвили конструкция, имеющая абстрактно-метафизические философские основания, но столь же целенаправленно возводимая им к реальной жизни людей, к их действительному сознанию и повседневной жизни.

Что же именно имеет здесь в виду Мамардашвили? Он пишет: «Второе “К” (Кант): в устройстве мира есть особые “интелигибельные” (умопостигаемые) объекты (измерения), являющиеся в то же время непосредственно, опытно констатируемыми, хотя и дальше неразложимыми *образами* целостностей, как бы замыслами или проектами развития. Сила этого принципа в том, что он указывает на *условия*, при которых конечное в пространстве и времени существо (например, человек) может осмысленно осуществлять на опыте акты познания, морального действия, оценки, получать удовлетворения от поиска и т. п. Ведь иначе ничто не имело бы смысла — впереди (да и сзади) бесконечность. Другими словами, это означает, что в *мире rea-*

лизуются условия, при которых указанные акты имеют смысл (всегда дискретный и локальный). То есть допускается, что мир мог бы быть и таким, что они стали бы бессмысленными»¹ (последний курсив мой. — Н.М.).

Отвлечемся от того, сколько есть в мире знатоков Канта, профессиональных кантоведов, которые бы удивились именно такому описанию сути «принципа Канта». Но (по зрелом и непредвзятом размышлении, не скованном «междусобойными», цеховыми привычками и соответствующим сленгом) вряд ли рационально было бы отрицать, что именно Кант затеял этот тревожный уже в его эпоху, а сегодня просто-таки катастрофически неотложный, антиномично построенный им разговор. Человек — так резко и образно возразил Кант прекраснодушным любованиям человеком и его якобы великой «рациональной» сущностью (наш отечественный вариант: «Человек — это звучит гордо!») — на самом деле сделан из «кривого дерева» несовершенной конечной «природы». В негарантированных, а чаще просто неблагоприятных, неустойчивых условиях, в каких он обычно развивается, из «кривого дерева» не удастся и никогда не удастся, настаивает Кант, сделать что-то «прямое» — читай: достойное гордости, тем более гордыни.

Все было бы безнадежно, человек без устали и беззастенчиво вытворял бы ещё большие зверства, был бы ещё аморальнее, если бы человечество не сподобилось постепенно создать целые «интеллигибельные», т. е. невещные, идеальные миры «форм». Это, говоря проще, нормы, принципы морали и права, общежития, гражданского участия и регулирования и т. п. Они, правда, не превращают действия и поведение (индивидов, их объединений, институтов, стран, союзов стран) в «истинно» моральные, правопослушные, справедливые, но всё-таки поддерживают (не без кризисов и варварских срывов) мир человека в состоянии хотя бы относительного порядка. Если в мире и есть высокие образцы действий и идей, сообразованных с такими нормами, правилами, формами (религиозные люди чтят их как образцы святости), то их столь мало, что они вряд ли делают погоду в штормовых, как правило, социальных условиях.

Поэтому главное, на что надеются и Кант, и вслед за ним Мамардашвили, — это, во-первых, на внутренние потенции человеческого мира, всё-таки обеспечивавшие (пока) непрерывное

¹ Мотрошилова Н.В. Указ. соч. С. 110–111.

существование упомянутого интеллигибельного мира (в различных его ипостасях, о которых невозможно говорить подробнее). Во-вторых, надежду внушает защищаемая Кантом (дружно критикуемая многими философами, этиками, поддерживаемая лишь немногими смельчаками) неуступчивая, ригористичная, не допускающая послаблений и компромиссов *чистая* ориентация на «чистые» же нормативные требования (в этике это бескорыстная верность нравственному долгу во имя него самого, в социальной философии — нерелятивизируемая защита права и всякого другого порядка как таковых). Символ, их единящий, — то, что Мамардашвили называет «формой» у Канта и расшифровывает так: «Это чувство гражданственности свободных, независимых людей. Их гражданские отношения суть взятый на себя сознательно долг, что отличает их от варварства»¹. Стало быть, надеяться на нормальную, достойную жизнь в какое-либо время и в какой-либо стране нереально, если и пока не созданы, не реализуются в сколько-нибудь широком масштабе формы, нормы порядка и подчинения ему, если нет «гражданских отношений» людей, если критическая масса людей не развила в себе «чувства гражданственности». То же можно, продолжая мысли Канта и Мамардашвили, сказать о состояниях обществ, в которых люди громко, повсеместно сетуют на упадок морали, но столь же дружно и цинично попирают даже элементарные моральные нормы.

Между тем, утверждает Мамардашвили (это он делает в своих концепциях цивилизации, одичания, антропологической катастрофы, о которых здесь невозможно говорить сколько-нибудь подробно): цивилизованное бытие возможно только тогда, когда «реализация» первых двух К-принципов в их конкретной расшифровке затрагивает сознание, мышление, действия достаточно большой, как говорят, «критической массы» живущих в тот или иной момент в той или иной стране индивидов. И наоборот: самой цивилизации, порядкам в мире, в той или иной его части грозят смертельные опасности, если и когда происходит «вырождение» всего, что подразумевают, символизируют эти принципы.

ТРЕТЬЕ «К»: КАФКА

Франц Кафка, чья известность не идет в сравнение со славой Декарта или Канта, тем не менее не случайно (и не только

¹ Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М., 1997. С. 94.

из-за буквы «К») подверстан у Мамардашвили к К-принципам. Этому философствующему писателю удалось ярко выразить «вырожденный, или регрессивный, вариант осуществления общего К-принципа — “зомби” — ситуации, вполне человекоподобные, но в действительности для человека потусторонние, лишь имитирующие то, что на деле мертво. Продуктом их, в отличие от *Homo sapiens*, т. е. от человека, *знающего* добро и зло, является “человек странный”, “человек неопиcуемый”»¹.

Впрочем, само присоединение только и именно фамилии Кафки к третьему «К» все же в известной степени вариативно и условно². Поскольку Мамардашвили называет описываемые состояния также и «ситуациями абсурда»³, они вполне могут быть ассоциированы с образами философии и литературного творчества Альбера Камю или других исследователей «абсурдизма» в искусстве, литературе. По мнению Мамардашвили, «неопиcуемо странный человек не трагичен, а нелеп, смешон, особенно в квазивозвышенных своих воспарениях» и что он «неопиcуем», а потому вся ситуация абсурда может быть передана лишь с помощью гротеска и смеха⁴. С чем, пожалуй, можно и поспорить. Примеры абсурдных «зомби-ситуаций», приводимые у Мамардашвили, хорошо понятны нам в нашей стране. Скажем, человек у нас отстаивает, или, как выражается Мераб, «качает права», тогда как все уже «сцеплено» ситуацией, где не было первоакта закона, где произошел обрыв «цивилизованных нитей» и вследствие этого наступило (поправимо ли для страны и её народа?) «разрушение сознания»⁵. В результате складываются, причем на целые десятилетия, ситуации, в которых зримо наблюдается то, что Мамардашвили называет «аннигиляцией сознания» и расшифровывает как укоренение — вместо актов гражданского и всякого иного сознания — превращенных, чисто ритуально-символических подделок. Когда, например, «все перемигиваются» по поводу зомби-привычек, зомби-языка, но пользуются ими. «Не имеет значения, что у тебя в «сознании», лишь бы знак

¹ Там же. С. 111.

² Я вынуждена отвлечься здесь ещё от одного, фундаментально относящегося к разбираемой теме теоретического, а одновременно до сих пор практически значимого блока — теории превращенных форм сознания, которую Мамардашвили развивает, опираясь на соответствующие концепции Маркса и, по своему обыкновению, оригинально и плодотворно развивая их.

³ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 117.

подавал»¹, — точно и метко пишет Мераб. Обсуждавшиеся ситуации интернациональны. И недаром они охарактеризованы (т. е. «неописуемое» все же как-то описано) ссылками на Ф. Кафку или Р. Музиля (на роман последнего с красноречивым названием «Человек без свойств»).

«Зазеркальный мир» знаком и каждому из нас. Мы жили в нем, живем и сейчас. Он отнюдь не исчез вместе с падением «советской власти». (Кстати, термин «советская власть», надолго ставший одним из главных символических средств времени, включенный в название страны — Союз *советских* социалистических республик, для Мамардашвили и был одним из наглядных выражений превращенной, абсурдной формы — имелось в виду «бессилие Советов» при *советской* якобы власти.)

О «зомби-ситуациях», т. е. о третьем «К» Мамардашвили повествовал в исповедальном личном ключе. «Я чувствовал, — писал он в книге «Как я понимаю философию», — что моя попытка оставаться человеком в охарактеризованной ситуации гротескна, смешна. Основы цивилизации были подорваны настолько, что невозможно было вынести наружу, обсудить, продумать собственные болезни. И чем меньше мы могли вынести их наружу, тем больше они, оставшись в глубине, в нас прорастали, и нас уже настигало тайное, незаметное разложение, связанное с тем, что гибла цивилизация, что нет агоры»². Нет времени обсуждать сейчас вопрос о том, в чем ситуация изменилась и однако почему она, как и раньше, всё же подпадает под тип третьего «К»... Не могу, правда, согласиться с Мерабом в том, что — при всей вязкости абсурдных «зомби-ситуаций» — попытки таких людей, как он, «остаться человеком» (добавлю: человеком внутренне свободным и глубоко мыслящим) только «гротескны и смешны». На самом деле такие попытки вылились в выдающиеся и действенные, и не только для культуры, результаты, оставшиеся и сегодня образцами свободной и честной жизнедеятельности. В частности же, Мамардашвили и другим его коллегам, соотечественникам и современникам удалось создать яркие образцы актуализации богатств классической философской мысли, сделав это как во имя самой философии, так для целей всей культуры, для пространства формирования достойной человеческой личности.

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 120.